

ЖУРНАЛ «ОЛИОН» И «ВОСПОМИНАНИЯ О ЦАРСКОМ СЕЛЕ» ДОКТОРА ЭЛЬМАРА ФИШЕРА

ТАТЬЯНА ШОР

(Тарту, Эстонский национальный архив)

В 1920-е годы в Эстонии неоднократно предпринимались попытки издавать иллюстрированные издания, например, журналы по литературе, искусству и культуре *Agu* (1922–1925), *Kiri ja Kunst* (1927, редактор Яан Перт) и *Ilu* (1929–1930, редактор Йоганнес Ярв). В эту группу входили и журналы для любителей нового визуального искусства *Kino* (1925, два номера, издатель Р. Раукас); *Kino-Film* (1928), *Film ja Elu* (1928–1929), *Kino-ja Film* (1929) — издатели и редакторы Николай Кузьмин, директор и художественный руководитель Эстонской киностудии Балдуин Кусбок¹. Однако долгожителем среди всех иллюстрированных изданий оказался *Olion* основанный в Тарту в 1930 году².

---

¹ Из русских иллюстрированных журналов можно упомянуть «еженедельник литературы, искусства, науки и жизни» *Облака* (1920, 4 номера, редактор П. Смиронин, издательство «Кольцо»), двуязычный еженедельник *Teater ja Kino = Театр и кино* (изд. В. Е. Гущик, М. И. Сперанский, 1921–1922), наконец, *Панорама* (1931, 5 номеров, издатель А. П. Дэвис, редакторы А. П. Дэвис и В. Е. Гущик).

² Разрешение Полицейского управления от 19 декабря 1929 г. на открытие журнала «Олион» Георгу Наелапеа (род. 22.5.1896) и Давиду Карапуну (род. 05.06.1899) // RA, ERA.1.7.879. L. 1. О редакторе Д. Карапуне (варианты: Каропун, Каропунн) см.: [RA, EAA.2100.1.4537; RA, EAA.2111.1.7769; RA, EAA.1767.1.684]

За образец были взяты богато иллюстрированные журналы многопланового содержания, издающиеся в Европе и Америке. Понятно, что и оформление³, и престижный авторский состав требовали больших финансовых вложений. Фонд «Эстонский Культурный капитал» поддержки не оказывал, и основным издателем, а после ухода из редакции Давида Карапуна и бессменным редактором, а также владельцем издательства с тем же названием был Георг Наелапеа⁴. Какое-то время ему помогал справиться с финансами отец Каарел Наелапеа, все же в 1934 г. по ряду обстоятельств материального и политического плана журнал не выходил. Он возобновился в следующем году, но уже в Таллинне, где издателем в течение немногим более полугода числился Якоб Лоосалу⁵. *Olion* прекратил свое существование после первого сдвоенного юбилейного номера в феврале 1936 г. из-за банкротства издателя. Всего, включая сдвоенные, вышло 65 номеров журнала.

В первые годы в *Olion*'е сотрудничал почти весь цвет тогдашней эстонской литературы — Фр. Туглас, Я. Кярнер, М. Ундер, О. Лутс, Г. Виснапуу, А. Х. Таммсааре, Э. Вильде, Г. Суйтс, Э. Хийр, В. Адамс

---

³ См.: <https://www.digar.ee/arhiiv/et/periodika?id=1346>. К сожалению, в оцифрованном виде журнал потерял свою оригинальную красочность, все иллюстрации получились черно-белыми и плохого качества.

⁴ Наелапеа Георг (Naelapea Georg, с 1938 — Jüri, Yuri; 1896, хутор Пюльме, вол. Арула, Тартумаа – 1969 Los Angeles), эстонский писатель, журналист. После окончания тартуской гимназии поступил в Тартуский университет, долгое время был сотрудником газеты «Постимеэс», участвовал в литературном кружке “Noor-Eesti”, писал под псевдонимами G. N., Georg N.; Kaljo Randa, Olaf Rood. Эмигрировал в Германию, затем в Австралию, где в 1956–1960 гг. издавал журнал с тем же названием. Последние годы жизни провел в США. О нем см.: [RA, EAA.402.1.18539; RA, EAA.2100.1.9908; Mustimets, Indrek].

⁵ Лоосалу отказался от обязательств по журналу в октябре 1935 г. [RA, ERA.1.7.879. L. 28].

и др., ученые и преподаватели Тартуского университета В. Г. Алексеев, П. Аристэ, Г. Рянк, О. Лооритс, А. и В. Вага и многие другие др. Языковым редактором был известный лингвист, автор словарей и учебников по эстонскому языку Й. Аавик, статьи по искусству, театральные обзоры и рецензии на выставки писали Ю. Генс, Я. Перт и Б. Линде, музыкальным обозревателем выступал брат поэта Г. Виснапуу, преподаватель Тартуской консерватории Э. Виснапуу. С начала своего основания *Olion* знакомил читателей с творчеством не только эстонских, но и русских художников⁶. Словом, журнал предлагал читателям наглядную информацию по всем видам искусства, не ограничивая себя ни в пространстве, ни во времени. К недостаткам можно отнести некоторую хаотичность в расположении материала, но она искупается его богатством и уникальностью.

Помимо художественных текстов (поэзия, рассказы, новеллы) печатались записки путешественников и мемуары⁷, снабженные

---

⁶ Например, на его страницах можно увидеть репродукции картин русских художников из запасников музеев Таллинна и Нарвы, а также с современных художественных выставок художников В. Алексеева, А. Кулькова, А. Егорова, К. Щербакова, Г. Круга, А. Кайгородова и др. Уделялось внимание русскому театру и балету, но ни разу на страницах *Olion'a* не появилось переводов художественных произведений русских писателей. Из относящихся к литературе статей можно отметить лишь обширный некролог Г. Виснапуу на смерть Вл. Маяковского с портретом на линолиуме Яана Вахтра [Visnapuu: 21] и обзор выставки советской детской книги [Laagman 1930: 16–18]. В таллиннский период в *Olion'e* недолгое время сотрудничал Алексей Долгошев (Алексис Раннит), но уже как автор стихов на эстонском языке [Rannit: 89, 101, 112], а заметка о Юрии Шумакове представляла его как талантливого переводчика на русский язык эстонских поэтов [Šumakov: 103].

⁷ В первый год издания воспоминания и очерки о путешествиях печатались в приложении *Lahtised Lehed*; например, воспоминания известного

иллюстрациями. В 1931 г. в двух номерах появились интересные воспоминания доктора Эльмара Фишера о Царском Селе (“Mälestusi Zarskoje Selost”) [Fischer 1931: 139–141; 219–221]. Первая ассоциация при прочтении заглавия, — это, конечно, известные «Воспоминания в Царском Селе» Пушкина. Напомним строки из «Воспоминаний...» 1829 г. («Воспоминаньями смущенный...»):

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой...

Хотя общее эмоциональное настроение грустной ностальгии у авторов как будто совпадает, но и топос, и хронос у Фишера совсем иной. Он вспоминает столетие спустя, вспоминает ближайшую историю и войны не победные, но проигранные Россией, послужившие катализаторами разрушения империи⁸. Царское Село было уже с ноября 1918 г. переименовано в Детское Село имени товарища М. С. Урицкого, а в 1937 г., к 100-летию со дня смерти Пушкина, его переименовали в город Пушкин [Бунатян, Лавров 2010]. Фишер едва ли об этом узнал, так как 12 октября 1937 он был похоронен в Тарту на старом кладбище Иоанновской лютеранской церкви [Postimees 1937: 7]. Пушкина вдохновляли Царкосельский лицей и Екатерининский дворец, а у Фишера место дейст-

---

художника и писателя Яана Вахтра “Rännakuid Võrgumaal” о его юности и первых шагах на учительском поприще.

⁷ Ср. у И. Анненского: «... в Царском Селе поэта окружали памятники нашего недавнего прошлого, в нем еще жил своей грандиозной и блестящей красотой наш восемнадцатый век, и Пушкин должен был тем живее чувствовать славу и обаяние недавних подвигов русского оружия, что его первые царкосельские годы совпали с событиями Отечественной войны...» [Анненский: 15].

вия — Александровский дворец, где с 1895 г. проживала императорская семья. Пушкинская Екатерина — это «Минерва», «великая жена», у Фишера императрица Александра Федоровна — красивая, большая женщина с трагической судьбой.

Личность доктора в последнее время обросла вымыслами. В наделавшем много шума скандальном фильме А. Учителя «Матильда» (2017) Фишер выступает в роли злодея Фишеля, привезенным императрицей из Германии врачом-немцем, который обещал семье рождение здорового ребенка, но после выявления наследственной болезни мальчика был изгнан из дворца. Но, во-первых, Фишер никогда не скрывал своего эстонского происхождения⁹. В юбилейной статье к 65-летию его называют третьим лейб-медиком-эстонцем после Карелля и Гирша [Postimees 1933: 5]¹⁰. Он мог общаться с императрицей либо на немецком, либо на русском языках, который для обоих не был родным¹¹. В 1896 г. Фишер,

---

⁹ Виллем Эрнитс после смерти доктора Фишера обнаружил в документах архива, что они были родственниками и происходили от одного предка [Ernits: 7].

¹⁰ Карель Филипп Яковлевич (*Karell Philipp Jakob*; 1806–1886), окончил Дерптский университет, лейб-медик Николая I с 1849 и Александра II (1855–1881), до смерти заведовал госпиталем лейб-гвардии Конного полка [Album Academicum 1889: 156]. Гирш Густав Иванович (*Hirsch Gustav Friedrich*, 1828–1907), придворный лейб-медик 1866–1907.

¹¹ В университетском деле Фишера почти все документы на немецком языке, по-русски написано сочинение о Печорине Лермонтова для экзамена, который все студенты в дерптский период обязаны были писать по окончании курса для получения российского диплома [RA, ЕАА.402.2.5974: без пагинации]. В своих воспоминаниях Фишер отмечал: «На основании того, что отношения России и Англии были не самыми лучшими, императрицу величали англичанкой, так как она со своим мужем говорила по-английски, и ее бабушка была английской королевой. Позднее, во время Мировой войны ее называли немкой и подозревали в шпионаже в пользу Германии, так как она продолжала говорить по-

к этому времени сдавший докторский экзамен в тогдашнем Юрьеве/Тарту, действительно, побывал в Германии, где посещал Гейдельбергский университет. Но видеть, а тем более познакомиться там с принцессой Гессен-Дармштадтской Алисой, бывшей слушательницей этого же университета, он не мог, потому что к этому времени она уже два года как была российской императрицей Александрой Федоровной.

Во-вторых, после окончания Дерптского/Юрьевского университета Фишер работал приходским врачом в Сангасте и Лаатре и только после защиты диссертации в 1902 г. стал искать себе места в Петербурге. Сначала он служил там дежурным лекарем при императорских театрах, а в 1904, в год рождения цесаревича Алексея, появился в Царском Селе в должности лекаря Царскосельского госпиталя для больных и раненых офицеров и солдат¹². Только с осени 1907 года Фишер стал на короткое время личным врачом императрицы.

В книге А. Крылова-Толстикевича «Последняя императрица. Санны — Аликс — Александра» сказано, что доктор Эльмар Карлович Фишер по поводу болезни царицы подал письменный рапорт Николаю II,

... в котором заявил, что не может вылечить императрицу, пока при ней находится Анна Вырубова, провоцирующая приступы истерии. Узнав об этом, императрица потребовала немедленного удаления не в меру усердного эскулапа, хотя доктор Фишер, статский советник,

---

немецки с теми, с кем говорила на нем ранее» [Fischer 1931: 220]. Здесь и далее перевод с эстонского мой. — Т. Ш.

¹² При этом, как вспоминает Фишер, семья его не сразу переехала в Царское Село: «Вскоре после того, как я приступил к работе в Царском Селе (моя семья оставалась еще в Петербурге), д-р мед. С. Унтербергер пригласил меня лечить своего тестя д-ра мед. и лейб-медика Г. Гирша» [Fischer 1931: 220–221].

невролог пользовался отменной репутацией. Он окончил ВМА <Военно-Медицинскую академию. — Т. III.>, в 1901 г. защитил докторскую диссертацию «О бороздах и извилинах детского мозга в первом полугодии жизни». Ординатор Царскосельского дворцового госпиталя (1913). Участник Первой мировой войны. Был ранен. В 1917 г. служил врачом при экспедиции Заготовки государственных бумаг» [Крылов-Толстикевич: 169].

Хотя данные, по-видимому, взяты автором из послужного списка, но они не точны, а в именном указателе книги отсутствуют даты рождения и смерти доктора Фишера.

Эльмар Фридель Вольдемар Фишер (20.01.1868 Пыльтсамаа – 10.10.1937 Тарту) окончил не Военно-медицинскую академию, а, как было сказано выше, Дерптский/Юрьевский университет в 1892 г., где слушал лекции знаменитого психиатра Эмиля Крепелина [RA, EAA.402.2.5974; RA, EAA.402.2.5975; RA.ERA.50.1.155; Brennsohn 1905: 161; Fischer 1926: 5]. Короткое время стажировался в Гейдельбергском университете, а докторскую диссертацию защитил в Военно-медицинской академии, но не в 1901, а в 1902 г. В Царском Селе он заведовал санаториями для туберкулезных больных детей и медицинского персонала, в 1914–1916 был ординатором полевого госпиталя и помощником главврача 108-й дивизии. В Эстонию вернулся в годы первой немецкой оккупации. Короткое время в период *Landeswähr*'а Фишер был ассистентом в институте психологии Тартуского университета, с 1919 — школьным врачом Треффнеровской гимназии, а также учебного заведения для слепых детей и куратором немецких городских школ [Brennsohn 1922: 438–439].

Наиболее достоверные сведения о царскосельском периоде жизни доктора Фишера приводит в своих книгах о быте российских императоров доктор исторических наук И. В. Зимин. Как известно, принцесса Гессен-Дармштадтская Алиса, внучка английской королевы Виктории, еще до свадьбы имела заболевание ног и

с 18 лет страдала от крестцово-поясничных болей [Зимин 2010: 124–125]. После неоднократных родов добавились недомогания неясной этиологии и проблемы с сердцем. По воспоминаниям воспитательницы царских детей С. И. Тютчевой, после смерти лейб-медика Г. И. Гирша к Александре Федоровне пригласили врача «какого-то Фишера из царскосельской городской больницы»¹³. По документам дворцового архива, с 11 по 30 ноября 1907 г. врач Дворцового госпиталя Придворной медицинской части доктор Фишер 29 раз приглашался к императрице. С 1 по 21 декабря он посетил императрицу 13 раз, т. е. сделал в общей сложности 42 визита. Видимо, эти визиты продолжались и далее, поскольку сама императрица писала дочери Татьяне 30 декабря 1907 г.: «Доктор сейчас опять сделал укол — сегодня в правую ногу. Сегодня 49 день моей болезни, завтра пойдет 8-я неделя». Далее Зимин пишет: «Однако в силу ряда причин его придворная карьера не сложилась. И виной тому совсем не его профессиональные качества. Просто императрице требовался другой по складу характера врач» [Зимин 2016: 131]. Сам Фишер о своей отставке в воспоминаниях говорит очень кратко: «Рафинированные интриги в таких размерах, что я даже себе и представить не мог, были причиной, что я в 1907 г. попал в опалу у императора и из-за разных придирок за моей спиной много пострадал» [Fischer 1931: 221].

---

¹³ «В середине ноября императрица, гуляя с государем в царскосельском парке, почувствовала себя настолько дурно (у нее был невроз сердца), что государь почти принес ее во дворец. К этому нездоровью прибавилась еще простуда. Незадолго перед этим лейб-медик, всегда лечивший императрицу, умер, и на его место никого еще не назначили. К императрице пригласили какого-то доктора Фишера из царскосельской городской больницы» [Тютчева 1995: 6]. Тютчева Софья Ивановна (1870–1957), внучка поэта Ф. И. Тютчева, воспитательница дочерей Николая II с 1907 по 1912 гг.

Итак, что же представляют из себя воспоминания? Как личное и историческое переплетаются в тексте? По-видимому, оригинал был написан по-немецки, так как даже более поздние статьи Фишера для газеты «Постимеэс» переводились с немецкого [РА, ЕАА.2111.1.3411]. Он пишет: «Царское Село, Петербург и Петергоф! Они полны воспоминаний о власти и великолепии времен Николая II. Многие, что случилось здесь, известно во всем мире, но есть и вещи, рожденные под покровом тайны, часть которых известна лишь единицам, а некоторые кажется вовсе навеки останутся тайной...» [Fischer 1931: 139]. Фишер пытается быть объективным, но не скрывает своего отрицательного отношения к царскосельскому закулисью. Главные герои воспоминаний — это Николай II и Александра Федоровна, к которой Фишер чувствует искреннюю симпатию.

Прежде всего он останавливается на описании специфической атмосферы Александровского дворца, в которой ощущается постоянная угроза покушения на царскую семью, несмотря на широко разветвленную и многоступенчатую охрану. В то время организацией быта во дворце заведовали комендант Воейков¹⁴ и министр двора граф Фредерикс¹⁵, у которого в услужении был эстонец Ханс Ребане родом из Кеэни. Фишер замечает: «Он многое повидал, вернулся в Эстонию и теперь служит в Валке таможенником» [Fischer 1931: 139].

Общее впечатление от первых дней пребывания во дворце он описывает с точки зрения человека, уже познавшего будущее,

---

¹⁴ Воейков Владимир Николаевич (1868–1947), дворцовый комендант, генерал-майор свиты, в эмиграции написал воспоминания «С царем и без царя» (1936).

¹⁵ Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927), граф, министр императорского дворца. По отцу, генералу от инфантерии, принадлежал к Петербургскому дворянству, но их род вел начало от нарвского мещанского рода.

который в состоянии уловить и сформулировать признаки, его уготовившие:

Определенно, как большинство российских подданных, меня опьянило большое счастье и радость, когда я в 1904 г. в давнюю русско-японскую войну впервые как врач вступил в созданный императрицей лазарет в Царском Селе и впервые познакомился с царской семьей. До этого император представлялся мне с его высоким и самодержавным положением первозданным источником всего, что было хорошего и благородного на земле. При ближайшем знакомстве, я почувствовал себя обманутым. Мне казалось, что императору с его богатством и властью должно было быть легко соответствовать моим ожиданиям, — вместо этого оказалось, что у него, как вообще у любого смертного, есть свои недостатки и слабости, последствия которых в худшем случае проявлялись в том, что каждая его ошибка и слабость влияла не только на его ближайшее окружение, но от этого страдал весь народ России, и поэтому в конце концов погибло и все государство как самодержавное. Ведь как вообще могла бы сложиться судьба всего мира, если бы Россия своевременно получила настоящую конституцию и правление ответственных представителей народа [Fischer 1931: 219].

По мнению Фишера, ложное окружение и ложное представление о жизни и собственной значимости явилось основной причиной краха личности последнего российского царя:

Так как император со своей семьей вращался лишь среди избранных, которые ему описывали жизнь в России и чаяния народа в ложном свете, у царской семьи было мнение, что все, делаемое с их стороны, правильно и хорошо. Корни этой наивной веры кажется остались у царя до конца. Пару лет назад я спросил в Тарту у недавно умершего императорского камердинера Волкова, который из царского окружения последовал за ними в Сибирь и чудом в последний момент бегством спасся от расстрела: «Неужели император не думал сбежать из большевистской тюрьмы?». Волков ответил, что он пред-

лагал со своей стороны организовать побег, на что император ответил: «Высший суд нас поймет, мы ничего не сделали дурного ни для народа, ни для кого другого» [Fischer 1931: 141].

О человеческих качествах Николая II Фишер был весьма невысокого мнения:

Обремененный прошлыми предрассудками, связанный с традициями, зараженный духом этого времени, без понимания этого времени и неумением шагать в ногу со временем, в ловушке рафинированных интриг (черносотенцев), притом сам интриган, без глубокого духовного и внутреннего образования, Николай II представлялся простым, будничным, капризным и трусливым гвардейским офицером своего времени, с физическими и духовными грубыми интересами. Внешне, не представляя из себя ничего особенного, он тем не менее пытался держать известную дистанцию между собой и людьми, которые с ним сталкивались, например, поджигая сигарету, откидывал назад голову, и т. д. Вначале действительно могли верить его словам, но почти каждым овладевало чувство, что он имеет дело с человеком, которому нельзя доверять. Уже с молодости избалованный, обожествляемый близким окружением и даже уже во время Мировой войны названный председателем государственной думы «великим императором», все это во всяком случае заурядного со средними способностями человека могло заставить думать, что он умнее своих подданных, и все, что он делает, — это правильно [Fischer 1931: 219].

В противоположность многим мемуаристам-эмигрантам из ближайшего окружения царской семьи, Фишер очень тепло пишет о бывшей принцессе Гессен-Дармштадской:

Совсем другой была императрица, которую я узнал гораздо ближе как пациентку и как человека. Высокая, хорошо сложенная, красивая женщина, она всегда, общаясь со мной, была доброй, естественной и простой. Во время японской войны мне сотни раз приходилось обращать ее внимание на некоторые потребности в лазарете, всегда находя к своим просьбам полное понимание [Fischer 1931: 219–220].

Отметим, что положительный портрет Александры Федоровны во многом совпадает с ее изображением в мемуарах Вырубовой¹⁶. Говоря о милосердии, Фишер обращает внимание на ее симпатию к народу вообще:

Так императрица выказывала некоторый интерес, указывающий на ее желание улучшить жизнь народа. По ее инициативе проф. Отт¹⁷ организовал родильные покои, доктор Горн¹⁸ открыл в Пярну ортопедический институт, в Царском Селе основали для этого приют им. Ольги и школу для детских нянюшек. Одним из тогдашних советчиков императрицы в деле милосердия был хорошо образованный бывший учитель народных школ Максимов. Он сам мне рассказывал, что однажды посоветовал императрице основать в Петербурге дворец милосердия, который бы ведал всей благотворительностью государства. Императрица со слезами на глазах отвечала: внешне можно поверить, что могу сделать все, что хочу; это не так, я не могу сделать все, что пожелаю [Fischer 1931: 220].

Обращает на себя внимание тот факт, что доктор, давший в 1892 г. клятву Гиппократу, не раскрывает тайн болезни своей бывшей пациентки, а говорит лишь о ее благотворительной деятельности и

---

¹⁶ Заметим, что идея Фишера устроить мастерские в лазаретах для тяжелобольных в целях их психологической реабилитации и адаптации в будущей жизни нашла немедленный отклик у императрицы, а в дальнейшем широко вошла в практику, в том числе, и у его недруга, покалеченной при крушении поезда Анны Вырубовой, при организации ею собственного лазарета для калек [Вырубова: 159, 164].

¹⁷ Отт Дмитрий Оскарович (1855–1929), лейб-акушер, директор императорского Клинического повивального института.

¹⁸ Горн Пауль Отто Александер фон (1866–?), учился в Дерптском университете в 1886–1891 гг.

самоотверженности в деле помощи раненым, публикует не парадные фотографии, а общие снимки с больными и врачами, на которых императрица выглядит, как обычная сестра милосердия¹⁹.

В мемуарах Фишер касается всех эстонцев, которые так или иначе были связаны с царским двором. Он вспоминает о своем давнем пациенте придворном художнике, друге И. Кёлера, Михаиле Зичи²⁰ и о его рассказах об Александре III. Пациентом Фишера оказался и старший лейб-медик Г. И. Гирш²¹. Разумеется, более всего автору близка тема о работе в царскосельском госпитале. Он тепло рассказывает о медицинском персонале, об операциях, проводимых главврачом, выпускником Дерптского университета

---

¹⁹ Вырубова вспоминала: «Во время тяжелых операций раненые умоляли Государыню быть около. Императрицу боготворили, ожидали ее прихода, старались дотронуться до ее серого сестринского платья; умирающие просили ее посидеть возле кровати, поддержать им руку или голову, и она, не взирая на усталость, успокаивала их целыми часами» [Вырубова: 149].

²⁰ В примечаниях говорилось, что Михаил Зичи (Mihály Zichy, 1827–1906) был женат на эстонке, являлся другом Кёлера, которому он оказал протекцию при дворе. Теперь, по слухам, семья его живет в Венгрии [Fischer 1931: 140].

²¹ Мемуарист замечал: «Д-р *Гирш*, как и его предшественник д-р *Карель* был эстонцем и сыном сестры последнего. Его личные обычаи в быту были очень простыми. Любимой едой у него был отечественный черный хлеб, салака и кислое молоко. Благодаря своему высокому положению он все-таки был вхож в другие круги общества и был мало связан с малочисленной эстонской интеллигенцией. Он принадлежал к немецкой общине петербургской Петрикирхи и одновременно был председателем совета Петербургской эстонской Иоанновской церкви, после его смерти это место занял его зять д-р Унтербергер» [Fischer 1931: 221].

К. П. Домбровским²², а также еще об одном бывшем дорпатчанине, почетном лейб-медике С. Ф. Унтербергер²³ и многих других.

О такой знаковой фигуре, как Распутин, мемуарист лишь мимоходом упоминает в финале, причем его суждения о распутинской истории во многом перекликаются с выводами современных исследователей этого феномена:

Я думаю, распутинская афера — это величайший исторический шантаж, оскверняющий образ императрицы не только в глазах своего народа, но всего мира. Причины шантажа надо искать не только в семейной жизни императорской семьи, но и в большой мировой политике [Fischer 1931: 221].

Так завершается экскурс в жизнь «по ту сторону границы», о которой автор говорит с заметной ностальгией. Чтобы читатель яснее представил себе описываемое в мемуарах время, небольшой по объему текст снабжен 14 фотографиями и репродукциями со скульптур и картин с изображением императоров, их семьи, лазарета. Часть фотографий — из архива мемуариста, часть представлена профессиональным фотохудожником Георгием Кирилловым, а часть подобрана редакцией.

Воспоминания Фишера вызвали живой интерес в обществе. В 1933 г. в Тартуском народном университете в воскресенье 5 февраля в помещении XVI начальной школы было необычно многолюдно. Доктор Фишер выступал со своими воспоминаниями.

---

²² Домбровский Ксаверий Петрович (1852–1921), окончил Дерптский университет, д-р 1880. Почетный лейб-хирург, главный врач барачной биржевой больницы.

²³ Унтербергер Семен Федорович (Simon Thomas Friedrich Unterberger, 1848–1928), окончил Дерптский ун-т, д-р мед. 1873. Главный врач Царскосельской больницы 1894–1903, корпусный врач гвардейского корпуса, придворный хирург, почетный лейб-медик

Газета *Postimees* прореферировала его выступление на своих страницах. При этом упоминаются некоторые эпизоды, которых нет в опубликованном в *Olion* варианте. Например, Фишер живо рассказал о том, как он оказался в Царском Селе, осветил придворные интриги, поделился своими впечатлениями о графе Витте, с мемуарами которого «Воспоминания. Царствование Николая II» слушатели в большинстве своем уже были знакомы по русскому или немецкому изданиям 1922–1923 гг. [Fischer 1937: 5]²⁴. Тут же он упомянул и об Анне Вырубовой-Танеевой, эрмитажный портрет которой был в тексте мемуаров, но о ней самой не было сказано ни слова²⁵. Вырубова же начинает свои воспоминания с 1913 г. и ничего не пишет о Фишере.

В заключение следует задаться вопросом, можно ли назвать д-ра Фишера с его мемуарами участником создания царскосельского мифа?²⁶ Пожалуй, нет, это скорее документ эпохи крушения империи. Царское Село в данном контексте не локус поэтов, а последнее прибежище больной императорской семьи с точки зрения врача.

---

²⁴ Мемуары Витте на эстонском языке выходили в течение 1937–1938 гг.

²⁵ Подпись под портретом гласила: «Г-жа Анна Вырубова, самая влиятельная персона в окружении Николая II в последнее десятилетие перед революцией, в русском придворном костюме» [Fischer 1931: 221]. В биографии 1922 года со слов Фишера, опубликованной в справочнике доктора И. Бреннсона о врачах Эстонии послереволюционного периода, сказано, что места лейб-медика при дворе он лишился из-за происков «всемогущественной А. А. Вырубовой» (“allmächtigen A. A. Woirubowa”) [Brennsohn 1922: 438].

²⁶ О формах создания царскосельского мифа в русской поэзии см. статью Р. Лейбова «Воспоминания о воспоминаниях в Царском Селе: два пейзажа Тютчева» [Лейбов 2006].

Источники и литература

RA, ERA.1.7.879 Национальный архив Эстонии = Rahvusarhiiv. Ф. ERA.1. Оп. 7. Д. 879. Olion. 18.12.1929–06.03.1936.

RA, ERA.50.1.155 Национальный архив Эстонии = Rahvusarhiiv. Ф. ERA.50. Оп. 1. Д. 255. Fischer, Elmar. 28.05.1930–18.10.1937.

RA, EAA.402.1.18539 Национальный архив Эстонии = Rahvusarhiiv, Ф. 402. Оп. 1. Д. 18539. Наелапеа Георгий Карлович.

RA, EAA.2100.1.9908 Национальный архив Эстонии = Rahvusarhiiv, Ф. EAA.2100. Оп. 1. Д. 9908. Naelapea, Georg (matrikli nr. 273).

RA, EAA.2100.1.4537 Национальный архив Эстонии = Rahvusarhiiv, Ф. EAA.2100. Оп. 1. Д. 4537. Karopunn, David (matrikli nr. 2786).

RA, EAA.2111.1.3411 Национальный архив Эстонии = Rahvusarhiiv, Ф. EAA.2111. Оп. 1. Д. 3411. Неопубликованные статьи Э. Фишера в газете «Постимеэс».

RA, EAA.2111.1.7769 Национальный архив Эстонии = Rahvusarhiiv, Ф. EAA.2111. Оп. 1. Д. 7769. Karopun, David.

RA, EAA.1767.1.684 Национальный архив Эстонии = Rahvusarhiiv, Ф. EAA.1767. Оп. 1. Д. 684. Karopun, Taavet — keeleteadlane, 25.10.1922–03.02.1926.

RA, EAA.402.2.5974; Национальный архив Эстонии = Rahvusarhiiv, Ф. EAA.402. Оп. 2. Д. 5974. Fischer Elmar Friedrich Woldemar.

RA, EAA.402.2.5975 Национальный архив Эстонии = Rahvusarhiiv, Ф. EAA.402. Оп. 2. Д. 5975. Fischer Elmar Friedrich Woldemar.

Анненский: *Анненский И.* Пушкин и Царское Село. СПб., 1899.

Бунатян, Лавров: *Бунатян Г. Г., Лавров В. Н.* Царское Село. «Здесь жили цари и поэты...»: 300-летию юбилею Царского Села — города Пушкина посвящается. СПб.: Паритет, 2010.

Зимин 2010: *Зимин И.* Повседневная жизнь российского императорского двора. Вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. М.; СПб., 2010.

Зимин 2015: *Зимин И.* Александровский дворец в Царском Селе. Люди и стены. М.; СПб., 2015.

<https://www.litres.ru/igor-zimin/aleksandrovskiy-dvorec-v-carskom-sele-ludi-i-steny-1796-1917-povsednevnaia-zhizn-rossiyskogo-imperatorskogo-dvora/chitat-onlayn/>

Зимин 2016: *Зимин И. В.* Врачи двора Его Императорского Величества, или Как лечили царскую семью. Повседневная жизнь Российского императорского двора». М.; СПб., 2016.

<https://www.litres.ru/igor-zimin/vrachi-dvora-ego-imperatorskogo-velichestva-ili-kak-lechili-carskuu-semu-povsednevnaia-zhizn-rossiyskogo-imperatorskogo-dvora/chitat-onlayn/>

Крылов-Толстикевич: *Крылов-Толстикевич А. Н.* Последняя императрица. Санны — Аликс — Александра. М., 2006.

<https://www.proza.ru/2017/05/27/357>

Лейбов: *Лейбов Р. Г.* Воспоминания о воспоминаниях в Царском Селе: два пейзажа Тютчева // «Век нынешний и век минувший: культурная рефлексия прошедшей эпохи» / *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. Тарту, 2006. Вып. X. Ч. 1. С. 221–237.

Тютчева: *Тютчева С. И.* За несколько лет до катастрофы //

<https://www.rulit.me/author/tyutcheva-sofya-ivanovna/za-neskolko-let-do-katastrofy-download-free-214939.html>

Album Academicum 1889: *Album Academicum der Kaiserlichen Universität zu Dorpat* / Bearb. von *A. Hasselblatt und Dr. G. Otto*. Dorpat.

Brennsohn 1905: *Brennsohn, Isidorus*. Die Aerzte Livlands von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart ein biographisches Lexikon; nebst einer Einleitung über das Medizinalwesen Livlands. Mitau, 1905.

Brennsohn 1922: Die Aerzte Estlands vom Beginn der historischen Zeit bis zur Gegenwart: ein biografisches Lexikon nebst einer historischen Einleitung über das Medizinalwesen Estlands / von *Isidorus Brennsohn*. Riga, 1922.

Ernits: *Ernits, Villem*. D-r Fischeri päritolu kohta // *Postimees*. 16. okt. Nr 280. Lk 7.

Fischer 1926: *Fischer, Elmar*. Emil Kraepelin // *Postimees*. 14. okt. Nr 279. Lk 5.

Fischer 1931: *Fischer, Elmar*. Mälstusi Zarskoje Selost // Olion. Nr 4. Lk 139–141; Nr 5/6. Lk 219–221.

Fischer 1937: Wene tsaari ja tema võimumeeste telgitagustes. Endiste keisrikoja arst dr. med. *Elmar Fischer* jutustab oma mälestusi // Postimees. 1933. 7. veebr., Nr 31. Lk 5.

Laarman: *Laarman, Märt*. Vene lasteraamat // Olion. 1930. Nr 10 (oktoober). Lk 16–18; il.

Mustimets: *Mustimets, Indrek*. Georg Naelapea: 1896–1969. Diplomitöö / Juhend. Krista Aru. Tartu Ülikool, 1996.

Postimees 1933: Dr-r med. E. Fischer 65-a. // Postimees. 7 veebr. Nr 31. Lk 5.

Postimees 1937: Dr. med. Elmar Fischer maeti. Suuri rahvahulki kadunu wiimsel teekonnal // Postimees. 13. okt. Nr 277. Lk 7.

Rannit: *Dolgošev, Aleksei* [Aleksis Rannit]. Ex libro amoris // Olion. 1935. Nr 2 (47). Lk 66; portree; Nr 3. Lk 89, 101, 112.

Šumakov: *M. R. Gustav Suits'i ja Marie Under'i tõlgendaja [Šumakov, Juri]* // Olion. 1935. Nr 3 (48). 28. veebr. Lk 103; foto.

Visnapuu: *V. [Henrik Visnapuu]*. Vladimir Majakovski surnud. J. Vahtra. Majakovski. (portree, linool) // Olion. 1930. Nr 5 (mai). Lk 21; il.